

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО

ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ

Продолжение следует,
или
Воронежские страдания

Фридрих Евсеевич Незнанский
Продолжение следует, или
Воронежские страдания
Серия «Возвращение Турецкого»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169305

*Продолжение следует, или Воронежские страдания: АСТ: Олимп; М.,
2008*

ISBN 978-5-17-049856-7, 978-5-7390-2179-3

Аннотация

Со странным уголовным делом столкнулся Александр Турецкий. Двое бывших партнеров «заказали» друг друга. И оба обратились к частному сыщику за помощью. Один – из Москвы, другой – из Воронежа. И Александр Борисович со своими коллегами выехал в Воронеж, где по поручению Меркулова он включился также в расследование дела об убийстве, пахивающего «грязной» политикой.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	25
Глава третья	39
Глава четвертая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Фридрих Незнанский

Продолжение следует, или Воронежские страдания

Глава первая Ловушка Гапона

Геннадий Александрович Охрамков, майор внутренних войск, сотрудник Главного управления исполнения наказаний, полагал, что ему крупно повезло в жизни с тестем. Ну и с женой – это, как говорится, само собой. Тамарка – баба аппетитная, сладкая, охочая до любви, но, что характерно, при этом не наглая, а скорее покладистая. Послушная и добрая. Одно сплошное удовольствие, не говоря про домашнее хозяйство, которое так и горит, так и сверкает в ее ловких руках.

А Михаил Григорьевич, ее папаша, человек хоть с виду и простой, да на поверку вышло, что и не очень. Мудрый оказался мужик и деловой. Несмотря на то что уже на пенсии, настоящей старой закалки и профессиональной хватки не растерял. Да и как ее потерять-то бывшему начальнику отдела уголовного розыска окружного управления милиции?

Это ж в крови уже. Мент, сыщик – считай, диагноз на всю оставшуюся жизнь. Рабочую часть которой, служебную то есть, как все больше убеждался зятек, этот совсем еще и не старый отставной подполковник милиции прожил совсем не зря. Сумел и разобраться, и усвоить главные законы существования – те самые, что не противоречат твоим убеждениям и при этом здорово помогают жить. Хорошо жить, а не растягивать вынужденное существование до бесконечности, когда человек становится в тягость и себе, и другим.

Это ж его идея была, высказанная в доверительную минутку Генке, еще сватавшемуся тогда к Тамаре.

– Твоя служба, сынок, – делился с ним подполковник милиции Гапонов, которого сослуживцы за глаза звали Гапоном, но к тому историческому попу эта кличка отношения, разумеется, не имела, – служба, говорю, истинное золотое дно. Только надо суметь ею правильно воспользоваться. Но ничего, бог даст, сыграем свадьбку, утрясем домашние заботы, тогда и подумаем о вашем с Тамарой светлом будущем. Есть у меня некоторые задумки на ваш с ней счет. Только с умом надо подходить, с умом, сынок! И жилы беречь в служебном рвении.

И свадьбу хорошую сыграли, и жизнь быстро «устаканилась»: не отпустили Гапоновы зятя из своей семьи, как его родители ни настаивали. Служанку в доме, поди, хотели заиметь бесплатную. Как же, Генка-то – из «благородной семьи», папаша – с молодых ногтей по торговле шел, мамаша

– по косметическим салонам. Дело, конечно, прибыльное, это не милицейская пенсия, но и полета у них нет того, вид на который сложился уже в голове старого сыщика. И Генка тут мог стать ему прямой подмогой, толковым исполнителем хитроумных замыслов. Главное ведь с этими молодыми – что? Вовремя посвятить в идею и направить на верный путь. А там ему и самому понравится. Риск – всегда был делом благородным. Но пустой риск, неоправданный, не подкрепленный соответствующим знанием предмета, никому не нужен. Другое дело, когда информация в твоих руках, как ловко сданная опытными руками колода карт, – это когда ты заранее можешь предвидеть любой ход своего соперника и сделать убойный ответный. Вот тут и риск прибыльный.

И однажды, в минуту доверительного разговора, Михаил Григорьевич посвятил Геннадия в давние свои замыслы, в которых, по правде говоря, и особого-то криминала не было, скорее, на дружеский розыгрыш похожи. Но... Вот тут-то и заключалось самое главное: хочешь ты или не хочешь, а определенная справедливость как бы восстанавливалась. Грабил? Изволь рассчитываться...

– У тебя ж, Генка, в управлении-то, через твои руки, по-ди, проходят сотни уголовных дел? А ты, Томка мне говорила, и в компьютерных дебрях сечешь профессионально. Вот и прикинь что-нибудь из таких старых уголовных дел, где бывшие партнеры накатали в свое время бочки друг на друга, да с «мочиловом», с длительными сроками. И кто-то уже

«откинуться» должен, за кем-то длинный хвост тянется. Понимаешь? В непосредственную уголовщину с общаковскими кассами лезть не надо, но многие ведь, сам знаешь, «голуби» уходили на зону при хороших деньгах, закопанных про запас, и оставляли подельников с носом. Вот среди них – наша с тобой клиентура.

И дальше уже более популярно и доходчиво нарисовал несколько вариантов лихого «кидалова», против которого у возможного клиента не то что возражения не будет, но, напротив, он еще и сам тебя умолять станет принять поскорее его встречную просьбу.

А что, ничего, даже определенной романтикой пахло от такого предложения на Генку. Хоть и взрослый мужик, за тридцать уже, и удачливый в продвижении по службе, а все в душе романтикой балуется. Так понимал бывший начальник отдела уголовного розыска, которому хорошо разбираться в тонкостях психологии сама служба предначертала. А Генка, видел он, был из тех, кто легко загорается толковой авантюрной идеей, даже чуточку припахивающей опасностью. Идеей, в которой криминальную сторону всегда было так несложно оправдывать соображениями высшей, так сказать, справедливости. Нет, это вовсе и не грабеж грабителя, а именно установление высшего порядка. Каждый в конечном счете обязан получить по своим заслугам. И если лихоимцы в прокуратурах и судах творят свою «законность», то у людей, всю жизнь посвятивших борьбе с преступностью,

тоже как бы вырабатываются свои взгляды и свое понимание проблем, которые никогда не будут решены до конца, то есть по полной справедливости. Хвосты-то остаются. Вот и за законом кто-то же должен иногда подчищать территорию. Никуда от этого не денешься, жизнь такова... Но вслух об этом, тем не менее, кричать не надо. Накричались уже. Иной раз высшая справедливость требует тишины.

Генка вспомнил, что при этих словах тестя засмеялся. Тот не понял, спросил, чего это он? И Генка объяснил:

– Это я по поводу твоей тишины... Получается так, что высшая справедливость требует иной раз мертвой тишины. Так-то, небось, получше? Поточнее? – его смех был искренний.

– А-а, – засмеялся и тесть. Он был доволен, что зятек все понял абсолютно правильно. Молодец парень. С ним такие дела теперь можно будет провернуть, что от одной мысли об этом у Михаила Григорьевича Гапонова прямо-таки закружилась голова...

Разговоры, к которым они время от времени возвращались, прикидывая и так и эдак, у них продолжались недолго. Геннадий, – тесть только мысленно звал зятя Генкой, а на людях – исключительно Геннадий и даже Геннадий Александрович, выказывая уважение и к человеку, и к службе, – как-то предложил Михаилу Григорьевичу отказаться от просмотра дел, завязанных на столичных судебных процессах. Лучше обратиться к регионам, благо материалов и там хва-

тало. Но там все-таки подальше от центра, поспокойнее будет и на душе.

Вот так и всплыло не шумное, но весьма значительное для города Воронежа начала девяностых годов дело об убийстве одного из партнеров по бизнесу и долгое расследование, приведшее к пересмотру судебного решения. Оставалось проверить наличие фигурантов. Но это – при связях и сотрудника Главного управления исполнения наказаний, и бывшего достаточно авторитетного в своих кругах сыщика – стало уже делом техники. И дебютная часть шахматной партии была продумана и разыграна партнерами, как им показалось, на самом высоком профессиональном уровне.

В колонии строгого режима, расположенной в «заповедных», как шутили в управлении, мордовских лесах, подобно всем остальным имелись недовольные – и режимом, и придирами начальства, и массой всяческих нарушений – действительных и выдуманных. На них, на письма и жалобы осужденных, требовалось реагировать. А чтоб реагировать, надо досконально знать и состояние дел. Нашелся повод и для проверки в указанной колонии. И туда выехал с этой обычной в общем-то миссией майор внутренней службы Охрамков.

Мало кто из сотрудников Главного управления любил подобные командировки в земную глушь. Тяга к экзотике уже давно у большинства из них закончилась, исчерпала себя, а если еще кто и тянулся «изучать жизнь», так это понятно –

по молодости. Ну и пусть, надо, надо, опыт придет с годами...

Геннадий Александрович, имея общительный и открытый характер, легко сходилась с новыми людьми. И уже находясь в колонии, познакомился и быстро подружился с местным Кумом – начальником оперативно-режимной части ИТК. Тоже майор внутренней службы, чуть постарше Геннадия, мечтающий когда-нибудь вырваться на столичные просторы и... оторваться вволю. Что ж, Геннадий вполне серьезно пообещал тому собственную помощь, когда тот появится в столице в первый же свой отпуск. А у жены Охрамкова, красавицы, естественно, такие подружки, что... ох, куда там, какие еще девочки с Тверской?!

Короче говоря, перспективы для холостого майора из «заповедной глуши» определили и дальнейшую доверительность в отношениях его с командировочным москвичом, который вовсе не собирался, проводя проверку писем и жалоб осужденных, высказывать какие-либо претензии в адрес руководящего персонала колонии.

Сам собой возник разговор и о тех, кто в скором времени освобождается в связи с истечением срока наказания. Был среди них и некто Щербатенко, носивший в колонии кличку Щербатый. Только он освобождался не скоро, а уже послезавтра, тогда, когда, по странной случайности, заканчивалась и командировка Геннадия Александровича. И майор внутренней службы Охрамков, будучи человеком любо-

знательным, не больше того, посмотрел на этого осужденного, но издалека, стараясь не привлекать к себе его внимания. Сравнил мысленно с фотографией, переснятой из тома уголовного дела, нашел сходство, отметил и различия – время-то на месте не стояло, да и жизнь оставила свои отпечатки...

С тем и уехал Геннадий Александрович из колонии, оставив у руководства самые благоприятные о себе воспоминания.

Щербатенко ехал в плацкартном вагоне, и держать его в поле зрения майору особого труда не составило. Помимо собственных знаний, он получил самые подробные инструкции от тестя, который во всяких подобных делах собаку съел. Да, кстати, Михаил Григорьевич собирался сам встретить освобожденного из колонии лично и «проводить» до места, где тот захочет остановиться. Наверняка ведь двинет в Воронеж. Вот и этот вариант надо заранее предусмотреть. Железнодорожный билет, то, другое... Вряд ли вчерашний зэк станет здорово шиковать в столице, хотя... Весь вопрос, есть ли у него средства, кроме тех, что он сумел заработать за пятнадцать лет пребывания в колонии. И если есть, то необходимо узнать, где он их хранит. Нет, узнать не на предмет грабежа, жертва сама, по идее, должна предложить хорошие деньги, чтобы изменить направление пули из ствола киллера, который взялся исполнить заказ за приличный, естественно, гонорар. Уж это должно быть понятно. Ликви-

дировать же опасность для твоей жизни, перевести стрелку – работа непростая, стоит дорого. Вот о чем речь. И вести эту речь придется самому «киллеру», проявившему на этот раз в высшей степени гуманный подход к судьбе своего «клиента».

То есть, можно понимать и так, что он сознательно пошел на нарушение своей профессиональной этики. Пошел, рискуя, в определенной степени, своей жизнью. Отсюда и соответствующий гонорар.

Со своей стороны, и Михаил Григорьевич трезво отдавал себе отчет, как это хорошо и правильно, когда действуют профессионалы, а не «любители», которых он на дух не принимал. «Профи» не прокалываются в деталях, в мелочах. Действуют четко и всегда заранее намечают пути для срочного отхода, если таковой потребуется. В этом смысле учить Михаила Григорьевича, да, в общем, и Геннадия Александровича, несмотря на относительную молодость последнего, не надо было. Они быстро настроились на волну друг друга и действовали как единый организм. Да, впрочем, так оно и было на самом деле. Вовсе еще и не старик, Гапонов с удовольствием называл Генку сынком, радуясь, что любимая дочь привела к ним в семью такого молодца. Умница, идеи на лету ухватывает, решительный и трезво глядящий на некоторые жизненные перипетии, не всегда соответствующие, как говорится, известным заповедям. Ну и что, не всем, значит, дано, – только и всего...

А клиент действовал так, будто загодя был знаком с планами, которые неизвестные еще ему люди строили относительно его дальнейшей судьбы. Он поселился в одиночном недорогом номере гостиницы возле бывшей ВДНХ – наверное, по старой еще памяти.

Тут была еще одна деталь, на которую Щербатенко как-то сразу не обратил внимания. Пока он ожидал у стойки администраторши, пышнотелой дамочки, размышляя о том, что ее было бы совсем неплохо пригласить к себе вечером в номер, та с кем-то разговаривала по телефону, при этом несколько раз бросив пытливый взгляд на мужчину, стоявшего возле ее окошка. А затем, положив трубку, быстро оформила Щербатенко проживание, не задавая лишних вопросов. И проводила его долгим взглядом, когда тот отправился к лифту.

Действительно, а как могла возражать администраторша, если ей позвонил «ответственный товарищ» и, сославшись на куратора гостиницы, указал, в каком номере она должна поселить приезжего, только что выпущенного из колонии в связи с окончанием срока его осуждения и необходимостью установления за ним, во время его краткого пребывания в Москве, плотного наблюдения? Впервые, что ли? Она и сделала, как ей было указано. Освободив и соседний номер – для «технических нужд».

В конце вечера, когда в моральном смысле каждый человек готовится к спокойному сну, не отягощенному угрызе-

ниями совести, в дверь к Щербатенко постучали. Постоялец решил, что это, наверное, горничная, и крикнул: «Открыто, заходите!»

Но вошла не средних лет женщина с хитрым, словно у лисицы, выражением лица, которая и вселяла его сегодня сюда, а относительно молодой человек – выше среднего роста, неприметный такой шатен с темными усами. И одет он был так, что и захочешь – не запомнишь сразу: серые брюки, песочного цвета куртка. Все как бы ускользающее от внимания. Кого-то он отдаленно напоминал Николаю Матвеевичу, но, хоть убей, не мог вспомнить, кого конкретно. Единственное, что более-менее определенно мелькнуло в голове, – видел недавно. Но где? Ну не в колонии же... В дороге? Может быть. Или уже здесь, в гостинице?.. И поэтому он немедленно почувствовал, как от незнакомца будто пахнуло на него ощутимым ветерком серьезной опасности. И напрягся.

Опыт полутора десятков лет непрерывного существования в колонии строгого режима не канул бесследно в день освобождения, и Щербатенко не то чтобы закалился в специфической атмосфере места «заключения и исправления», но сделался навсегда осторожным и недоверчивым – привычная форма поведения осужденного среди себе подобных.

Между тем незнакомец поздоровался легким кивком, не протягивая руки, и, не спросив разрешения, отодвинул от стола стул и сел.

– Можете расслабиться, Николай Матвеевич, – он слегка

усмехнулся, — я к вам по делу и, значит, прямой опасности для вас пока не представляю.

— Пока? — переспросил хриплым голосом Щербатенко. — А вы кто?

— Сейчас я вам все объясню... Вам, естественно, известен некто Георгий Витальевич Корженецкий?

— Ну, — коротко и нетерпеливо отреагировал Щербатенко.

— Собственно, я к вам — от него. Правильнее сказать, не по его просьбе, а скорее вопреки нашей с ним договоренности. Короче, Корж нанял меня. Для какой цели, вам и без долгих объяснений должно быть понятно. Я полагаю, что ему не нужно, чтобы вы появились, как угрожающая тень из его прошлого... — Незнакомец чуть раздвинул губы в ухмылке. — В условия нашего с ним договора входит, во-первых, ликвидация представляющего для него прямую опасность объекта и, во-вторых, предъявление соответствующих доказательств исполнения заказа. Сумма аванса для вас, Николай Матвеевич, в настоящий момент роли не играет. Так я понимаю. Вот в этой связи я и решил навестить вас, если вы не возражаете...

Щербатенко, даже если бы и очень хотел, возражать все равно не смог бы. Он лихорадочно думал о том, почему этот убийца так запросто пришел? Он что, решил поторговаться? У него есть свое, встречное предложение? Или он просто тянет время, наслаждаясь беспомощностью своей жертвы?.. И еще одна, возможно, совсем нелепая, мысль сверлила мозг:

«Зачем это Жорке?! Ему что, все еще мало?» Да кончилось же все, ушел поезд! И вдруг дошло: он же никогда, оказывается, толком и не знал Коржа! А теперь – тем более, столько лет прошло! Ну, вампир ненасытный!.. И прислал этого... небось, и ствол с длинным глушителем – в кармане, куртка-то просторная, чего хочешь спрятать можно.

И посетитель разгадал мысли «клиента».

– У меня при себе нет инструмента, – снисходительным тоном заявил он. – Я сейчас не на работе. Мы решили договориться с вами. Если вы пожелаете пойти нам навстречу. Поэтому я и пришел. Обычно я так не делаю, но сейчас... впрочем, это отдельный разговор.

– Значит, у вас есть предложение? – Щербатенко, кажется, совсем уже охрип, с трудом выдавил из горла эту короткую фразу.

– Да. Выпейте воды, – мягко посоветовал убийца. – У вас в горле пересохло. А у меня действительно есть к вам, Николай Матвеевич, предложение. Другими словами, я пришел к вам с миром, а не с мечом, – он снова улыбнулся, уже шире и как бы доверительнее.

– Хорошо...

Щербатенко поднялся с кровати, на которой сидел в момент прихода незнакомца, и подошел к столу. Налил из желтоватого от времени графина воды в стакан, выпил и тоже присел к столу, напротив. И графин подвинул поближе к себе, так, показалось ему, будет удобнее следить за убийцей,

если тот захочет выхватить из внутреннего кармана пистолет и передернуть затвор – взведенную «волыну» никто ж в кармане не носит. Можно будет еще и побороться. Графин-то тяжелый. И кто первый, еще неизвестно...

Видел Щербатенко, что убийца молод и достаточно силен, однако и себя не держал за слабака. Многолетний тяжелый физический труд и необходимость держать себя в постоянной готовности встретить любое нападение по-своему его закалили. Так что еще посмотрим, кто кого, решил он. Да и потом любая попытка «выполнить заказ» не обойдется теперь без шума, грохота, опрокидывания мебели, криков, а убийца на это не пойдет. Уже легче...

– Так я слушаю. Что вы собираетесь мне предложить? Только учтите, я – прямиком из зоны, и все мое богатство – вон, – Щербатенко кивнул на свой небольшой рюкзак, стоящий на полке под вешалкой. – Поэтому не представляю, на что вы можете рассчитывать...

– Да, я знаю, – кивнул незнакомец. – Но ведь это еще ни о чем не говорит, верно, Николай Матвеевич? Вспомните тот день, когда было произведено задержание Георгия Витальевича Корженецкого, вашего ближайшего друга, соратника и родственника – по линии вашей же бывшей теперь супруги Валерии Порфирьевны. Это произошло одиннадцатого сентября одна тысяча девятьсот девяносто второго года. Вы же и представили следствию доказательства прямой причастности господина Корженецкого к организации убийства вашего

третьего партнера, господина Басова. А накануне, проверяя активы фирмы, господин Корженецкий не обнаружил весьма крупной суммы, — не будем сейчас ее уточнять, достаточно того, что нам она известна, — которая якобы была перечислена конкретно вами на личный счет господина Басова. Поскольку он, как вы должны помнить, окончательно отошел от вашего общего дела и должен был получить соответствующую компенсацию. За акции, которые он продал партнерам. То есть вам с Корженецким. Так ведь? Ну конечно. В разговоре с Корженецким господин Басов факт перевода денег на его счет отрицал, и это обстоятельство, как впоследствии выяснилось, и стало причиной трагического происшествия на площади. Последующие ваши действия привели к аресту и осуждению вашего второго партнера. Но потом, благодаря усилиям защитника, было произведено новое расследование, после которого судебное решение было пересмотрено и осуждены уже вы. На полный срок по соответствующей статье закона. Теперь вы на свободе. А где в настоящий момент находится та сумма со многими нулями, нетрудно догадаться. Так что давайте не будем темнить и изображать из себя сильно обиженного.

Этот сукин сын, понял Щербатенко, знает слишком много для простого исполнителя. Но откуда? И кто он на самом деле? Неужели Жорка действительно ждал этого момента все пятнадцать лет? Мало ему досталось, гниде?..

А исполнитель, в свою очередь, заметив огонек недове-

рия, мелькнувший во взгляде «клиента», с иронией произнес:

– Вы наверняка подумали, откуда мне все это известно? Даже те факты, что не фигурировали в суде? Отвечу. Сегодня, о чем вы наверняка еще не знаете в силу известных причин, споры подобного рода, конфликты, не имеющие перспектив мирного решения, реализуются чаще не профессионалами-одиночками, а соответствующими профильными фирмами. Они заключают договора, принимая на себя заказы подобного рода, и выполняют их. Однако и сами, не желая в последующем становиться «козлами отпущения», оставляют за собой право и возможность проверки тех или иных сведений, которыми оперирует заказчик. Это вызвано тем, что нередко заказчик бывает не совсем, скажем так, чистоплотен, рассчитывая пользоваться услугами беспредельщика-отморозка, как это было прежде. И это обстоятельство дает нам право, – извините за некоторые частности, которые я открываю вам исключительно с одной целью: показать, что у нас все абсолютно прозрачно, – ну да, дает нам право определенного маневра. Как, не станем расшифровывать, произошло и с заказом в вашем случае. Мы не суд, чтобы выносить окончательный вердикт: виновен – не виновен, и не органы охраны правопорядка, мы – деловые люди, не отбрасывающие при этом и – он открыто улыбнулся – несколько ветхозаветный принцип справедливости. К тому же нам импонировало то, что вы повели себя по-мужски: проиграл так про-

играл. Не стали обжаловать приговор, не искали снисхождения на зоне. Мы приветствуем такое поведение. Именно по этой причине я и пришел к вам, чтобы предложить встречный вариант. Итак, вы готовы выслушать?..

Щербатенко молчал, медленно, слишком медленно переваривая услышанное.

Да уж, колония никак не способствует развитию пытливости и быстроте мыслительной реакции, – видел посетитель.

– В противном случае я уйду, – и он даже привстал.

– Нет-нет, я слушаю, – спохватился Щербатенко.

– Ну, хорошо. Перевод стрелки, на который мы в данном случае согласны, обойдется вам вот во что...

Посетитель достал из внутреннего кармана куртки авто-ручку и на краешке газеты, лежащей на столе, быстро написал несколько цифр. Подвинул Щербатенко. Тот прочитал: 500 000. И значок доллара.

– Сумасшедшая сумма... – пробормотал Щербатенко. – Где же я возьму такие деньги? – он безнадежно пожал плечами.

– В Цюрихе, Николай Матвеевич, – доброжелательно подсказал убийца. – Там, куда вы перевели те, последние тринадцать миллионов. На ваши сбережения в швейцарском банке российский дефолт девяносто восьмого года решительно никакого влияния не оказал, верно? Так что не будем скромничать, мы же деловые люди, лишнего нам не надо.

– А за сколько он меня заказал? Если не секрет.

– Секрет, Николай Матвеевич. Но, чтобы успокоить вашу совесть, скажу: сумма меньше, правда, ненамного. Собственно, то, что я вам назвал, по сегодняшним расценкам – не бог весть что, нормальная цифра, не стоящая внимания серьезных деловых людей. Вы ведь собираетесь возвратиться в бизнес, не так ли? Или у вас иные цели? Между прочим, господин Корженецкий именно против вашего возвращения категорически возражает. Кажется, и ваша бывшая супруга Валерия Порфирьевна – тоже. У нее сегодня совсем другие интересы, да и семья, в общем, весьма благополучная, дети-подростки. Но, как говорится, совсем не вашими молитвами. Таков расклад.

– Я могу обдумать ваше предложение? – угрюмо спросил Щербатенко. – Ну хоть какое-то время. Это ж для меня неожиданно.

– Естественно, из-за этого я и побеспокоил вас. Есть время, но немного. Сроки, как вы понимаете, нам поставлены жесткие. Сейчас, – посетитель посмотрел на ручные часы, – начало десятого... Не будем мелочиться, пусть – десять. Итак, ровно в шесть утра я вам звоню сюда, и вы говорите мне одно слово – на ваш выбор: да или нет. После этого, если «да», я вам назначу следующую встречу для заключения контракта и продиктую номер банковского счета, на который должен будет лечь наш гонорар. Вот и все необходимые формальности. Да, и еще. Надеюсь, вы понимаете, что мы с вас не спустим глаз, и любая ваша попытка связать-

ся с органами правопорядка – что, впрочем, не в ваших интересах, – тем не менее, будет расценена как попытка обмануть нас. Выводы последуют незамедлительно и уже без предупреждения.

– Это понятно, – брезгливо бросил Щербатенко. – Только вот отпущенное мне время меня не устраивает. Мало. Я только что прибыл в Москву. Надо найти кое-кого, связаться с банком, где, как вы считаете, прячутся мои миллионы. – Он насмешливо хмыкнул. – Их же надо как-то получить, верно? И вы хотите, чтоб я успел до шести утра? Смотрите на вещи реально.

– Но я же не сказал вам, что сумма должна быть перечислена завтра, ровно в шесть утра. К этому времени вы должны только сообщить о своем решении. Да или нет. Договорились?

– Ну, если так... А что мне остается? Конечно... – Щербатенко тяжело вздохнул. – А как скоро вы могли бы выполнить, раз уж на то пошло, встречный заказ? Ну если б я его сделал?

– Скоро. После заключения контракта. Ваш бывший партнер, кстати, недавно приезжал в столицу из Воронежа. Это от него мы получили сведения о вас, помимо прочих источников. Просто к вашему сведению. Но Корженецкого сейчас нет на месте, и мы знаем, где он готовит себе алиби. Пусть вас это не волнует, наши проблемы – это наши проблемы, как говорится, – гость хмыкнул.

– Так справедливость, говорите? – с непонятной иронией негромко произнес Щербатенко, не спуская, между тем, с незнакомца настороженного, тяжелого взгляда, что не ускользнуло от того.

– Вот именно, – сухо подтвердил собеседник и поднялся. – В течение пяти минут оставайтесь на месте, Николай Матвеевич, – серьезным тоном предупредил он, – во избежание неприятных неожиданностей. Думайте. До звонка.

И незнакомец быстро вышел.

Не утерпел Щербатенко, вскочил и осторожно выглянул за дверь. Но в длинном коридоре было пусто. Да, профессионал, ничего не скажешь...

Ему, опытному «сидельцу», и в голову бы не пришло, что киллер, оставив его в номере и закрыв за собой дверь, тут же вошел в соседний, который с номером Щербатенко разделяла совсем не капитальная стена. Отсюда, с помощью достаточно простой аппаратуры, приобретенной, кстати говоря, на радиорынке в Митине, можно было отлично слышать, чем у себя в номере занимается оставленный в томительном раздумье клиент.

А у клиента в настоящий момент была только одна забота. Почему-то из всех возможных вариантов у него просматривался пока только один: надо было каким-то образом срочно отыскать того следователя, который в свое время, грубо говоря, и посадил его.

Не имел сейчас к нему претензий Щербатый, что правда

то правда, но нутром чувствовал, что тот, хотел бы он того или нет, все-таки оставался каким-то образом причастным к судьбе своего «крестника». Мужик он был вроде не злой, не должен отказаться от базара по делу. И он стал вспоминать все адреса и номера телефонов, которые вынес, покидая зону. В тамошних разговорах фамилия его следака Турецкого, случалось, мелькала, и тот проходил как хитрый, падла, но не продажный, а «справедливый мент».

Время вот только позднее, но попробовать поискать можно, а начать надо с дежурного по Генеральной прокуратуре. Адреса не даст, конечно, да хоть что-то подскажет.

И еще одну непреложную истину вынес из колонии Щербатый: там, где ты находишься, по телефону болтать нельзя. А тут наверняка будут подслушивать. Он вспомнил острые взгляды администраторши – да сам же ей и справку об освобождении предъявил вместо паспорта, могла бы и отказать, а она только посмотрела и ничего не сказала, как будто каждый день «откинувшихся» у себя селит... Есть телефон-автомат, надо только, уже объяснили ему, карточку купить... Монетками уже не позвонишь. Вон сколько всякого произошло, пока его не было, словно заново жить учиться...

Глава вторая

Водочный триумвират

«...Ушел в расцвете славы и старости...»

А что, подумал он, классная будет эпитафия на могильном камне бывшего старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации А.Б. Турецкого. С этой веселой мыслью он заснул. А разбудил его посреди ночи – если быть точным, то в три часа пятнадцать минут, – телефонный звонок.

Специально же на часы посмотрел, чтобы мысленно констатировать: какой еще м...к звонит?!

Никто не должен был, да и не мог звонить в такой час, и Александр Борисович сначала не хотел поднимать трубку. Но телефон в кабинете, где он обычно спал на диване, если жена специально не приглашала его в общую спальню, что в последнее время случалось довольно-таки нечасто, продолжал трезвонить, рискуя разбудить Ирину, несмотря на то, что Александр Борисович почти задавил его подушкой. Вытащить вилку из розетки он почему-то не догадался, спросонья или же что-то, возможно, удержало его руку, словно притормозило ее движение. В такую пору решил бы звонить либо сумасшедший, либо хулиган, подлец какой-нибудь. Турецкий склонялся скорее к подлецу.

Тот продолжал звонить, Александр Борисович злился, но в конце концов сдался и поднял трубку. Не успел и резкого слова сказать, лишь сердито представился по привычке: «Турецкий слушает!» – а ведь мысленно приготовил довольно грубую отповедь, – как услышал громкий и взволнованный мужской голос, назвавший его по имени-отчеству. При чем голос совершенно незнакомый. И это сбilo с толку. Пришлось слушать.

– Александр Борисович, вы определенно меня не помните, да оно и лучше, для объективности оценки ситуации. Меня зовут Николаем Матвеевичем Щербатенко. Вашими заботами я отрубил пятнадцать лет и днями «откинулся» по чистой. Если вспомните – по водочному делу в Воронеже, девяносто второй год. Нас еще «водочным триумвиратом» называли. – Последовала выжидательная пауза и – новый вопрос: – Не вспоминается? – причем задан был с изрядной долей иронии, хотя и волнение в голосе не исчезло.

«Щербатенко?.. Если такой срок тянул, почти „вышку“, наверняка – из особо опасных... И, как у всех у них, вероятно, и погоняло носит не из мудреных, какой-нибудь Щербатый...»

А что ж это за «водочное дело» в Воронеже?.. Да и сколько их уже было! Особенно с начала и до середины девяностых годов – лавина, и все до единого с обязательным «мочиловом». Ну да, передел собственности... И это я его, значит, на нары отправил? Неплохо для середины ночи...»

Видно, сам Щербатенко, не дождавшись ответа, решил все же напомнить, о чем шла речь пятнадцать лет назад, и коротко пересказал суть обвинительного заключения по своему делу.

И Турецкий вспомнил. О том, как хитроумно выстроил оборону этот Щербатенко, организовавший убийство партнера и обвинивший в нем третьего партнера, своего же родственника. Но проиграл. И не потому, что где-то ошибся, нет, просто переиграла его московская следственная бригада, специально отправленная Генеральной прокуратурой для этого расследования, – подобного рода убийства тогда ведь еще не стали обыденным делом, Москва приняла живейшее участие в «громком» деле.

А конкретно отличился тогда молодой еще следователь Турецкий, трудившийся в Московской городской прокуратуре. По совету Меркулова его и включили в союзную бригаду.

Возвращаясь сейчас к своим следственным мероприятиям, Александр Борисович вспомнил, что местных, то есть воронежских прокуроров, этот «водочный» деятель не боялся. Возможно, заранее купил тех, от кого зависело судебное решение. Все тогда можно уже было... купить-продать...

Турецкий не обратил внимания на время, он хотел знать причину, по которой Щербатенко решился на свой – слишком поздний или слишком ранний – телефонный звонок. Ведь если судить по голосу, то никакой вражды, злости, яро-

сти слышно не было. Но зачем-то же тому потребовалось звонить своему, надо понимать, самому главному врагу? Ради чего? Угроза? Объявить войну лично Турецкому? Его семье? Жажда мести, которую разоблаченный Александром Борисовичем убийца лелеял все долгие пятнадцать лет? Что им двигало?..

– Я хочу сказать, Александр Борисович, что у меня накопилось много вопросов именно к вам, поскольку, если вы помните, был уверен, что у вас ничего не получится. Но правы оказались вы, и, тем не менее, спрашивать у вас я ничего сейчас не буду – совсем не по той причине, о которой вы могли бы и сами догадаться. Больше скажу, я уже и не хотел в последнее время возвращаться к старому, но неожиданно возникло новое дело, которое напрямую задевает меня. И я вспомнил, что именно вы тогда, в Воронеже, в отличие от ваших коллег, повели себя по-людски и не требовали крови. Что заработал, то и получи. Я запомнил, а потом и понял – свободного времени для этого у меня было больше чем достаточно.

– Это меня утешает, – стараясь говорить спокойно,отреагировал Турецкий.

– Не торопитесь, – тот как будто усмехнулся. – Вот в связи с этим новым делом, которое неожиданно обвалилось на меня, я и хочу договориться с вами о встрече. За свое здоровье можете не опасаться.

– А я и не опасаюсь. Время вот только позднее... несколь-

ко. Вам не кажется?

– Извините, у меня другого не было, – совсем не извиняющимся тоном сообщил Щербатенко. – За горло взяли. Так как нам «забить стрелку»?

– Вы что, в самом деле прямо сейчас собираетесь?

– Нет, зачем? Срок отпустили. Можно утром. Мне сказали в прокуратуре, что вы там больше не работаете.

– Однако же вы меня нашли?

– Ну... нашел. У вас, Александр Борисович, хватает своих «крестников». Это даже лучше, что вы теперь в агентстве. А то я ваших, прокурорских, и на дух не переношу, нет...

– А вы можете кратко изложить мне суть проблемы, Николай Матвеевич? Чтоб я понял, нужен вам или нет. И не пустой ли наш ночной разговор?

– Да я так соображаю. Раз вы Жорку тогда отстояли, хотя никакой надобности в том не было, сука он и был и остался, то теперь самое бы вам время установить справедливость и узнать, какой он падла. А я предлагаю оплатить вам эти ваши старания. Давайте договоримся.

– Туманно, но... кажется, я что-то улавливаю. Вы что же, получили от него угрозы? Ультиматум? Он все еще не успокоился за прошедшие пятнадцать лет? Хочет отомстить за свой страх?

– Ну, думаю, вроде того... Пришел тут один. Наняли его, заказали меня. А он предложил переиграть «заказчика». В общем, надо встретиться и перетереть этот базар.

«О как! Действительно – Щербатый!..» А тот, было видно, и не сомневался в том, что Турецкий уже согласился встретиться с ним, а сейчас тянет, чтоб просто набить себе цену. У Александра Борисовича было иное мнение.

– Ну хорошо. Если вы, Николай Матвеевич, считаете такую встречу необходимой для себя, – я повторяю: для себя, а не для меня, как вы должны понять, – то я готов пригласить вас завтра утром в наше агентство, где мы и смогли бы поговорить без посторонних, – подчеркиваю. Если согласны, запишите адрес.

– Не-а, в агентстве у вас мне делать нечего. Лучше кофейня какая-нибудь... У вас там, рядом, на «Фрунзенской», мне сказали, есть какая-то забегаловка. У хачиков... Вот и да-вайте. Я жду в десять утра.

Вот так – безапелляционно и наплевательски. Он что, все еще мнит себя хозяином жизни? И даже знает, где следовательно проживает? «У вас там, рядом!» Ничего себе!..

Да, есть на углу армянский магазинчик с небольшой кофейней при нем. Кофе, кстати, вкусный подают, с национальными сладостями и выпечкой, Нинка туда бегать любила, когда еще в нашу школу ходила. А Ирка дрожала: Комсомольский проспект, сумасшедшее движение, как бы со слишком самостоятельным ребенком чего ни случилось... А та – в ответ: «Родители! Не морочьте голову своему дитю! Займитесь собственными делами!» В Англии теперь «ребенок», колледж заканчивает. Совсем самостоятельная девушка.

ка...

Нет, не любил такие варианты Турецкий.

– Значит, так. Вам требуются от меня совет и помощь, хотя я так и не понял, какие конкретно. Что вы хотите узнать? Принять предложение киллера и оплатить убийство заказчика? Или отказаться? Словом, выясните, что вы хотите и приходите завтра в агентство. Если нет такого желания, спокойной ночи, – сухо сказал он, но трубку не бросил. На всякий случай, мало ли? Да и обострять отношения с недавним «сидельцем» тоже не было никакого резона. Ирка-то – непослушная и беспечная мадам, а кто знает, что у этого хрена теперь на уме?..

– Ну ладно, давайте запишу адрес, – неохотно ответил Щербатенко и, помычав в трубку, как бы повторяя за Турецким адрес сыскного агентства «Глория», «угукнул» и отключился, – не прощаясь и не уточняя времени. Очевидно, имел в виду все те же десять утра.

Но притом что разговор закончился на спокойных тонах, говоря языком дипломатов и политиков, Александр Борисович Турецкий испытывал серьезную озабоченность. Месть со стороны человека, освободившегося из заключения, куда он сам же и закатал того на полную катушку, была бы более чем понятна. И хотя в интонациях звонившего эти «мотивы» так уж явственно не прозвучали, практика указывала на то, что месть, тем не менее, не может быть исключена полностью. Поэтому естественно, что напряженный мозг бывшего

следователя сходу принялся выдавать информацию по тому, пятнадцатилетней давности, уголовному делу...

А в общем-то, в самом деле, давно уже было. На заре славной российской демократии, долгожданный приход которой, по убеждению ее главных «устроителей и основоположников», обеспечила очередная революция в России. Подобно всем остальным революциям, и эта тоже выдвинула древний как мир лозунг: отнять и поделить! Но существенная разница, скажем, с предыдущей, семнадцатого года, заключалась в том, что, во-первых, отнимали не у эксплуататоров и мироедов, как это делали все на свете революционеры, а у своего же государства. И во-вторых, делили не между всеми, требующими свою, положенную долю от общего добра, а лишь между теми, кто лично принимал активное участие в процессах воровства, грабежей и бандитских захватов. Это позже, для придания вящей законности, стали эти процессы скопом называть приватизацией. В результате которой, и практически сразу, нормальные бедные стали обыкновенными нищими, зато очень богатыми в одночасье заделались наиболее «предприимчивые» – все из тех же «глашатаев свободы», ну и приближенные к трону самого главного «демократа».

Александр Борисович вынужденно возвратился сейчас памятью в те годы, когда новейшая история демократической России только начиналась. Пятнадцать лет – не фиг собачий... Хотя и кажется, будто вчера, а ведь молодежь-то, поди, уже и не помнит, и не знает, для нее никогда не бы-

ло ни переворотов, ни бандитских переделов государственной собственности, ни банковского бандитизма, ни законодательного беспредела... Ничего не было. Или было, но так давно и так далеко... А когда возникает вопрос, почему до сих пор плохо живем, так ведь свободная демократическая власть и не скрывает правды. Да, прежде было получше – основной массе, сегодня ей похуже, однако кое-чего уже кое-где выправляется. И если вы доживете, то, стало быть, и вам заживется полегче... Ну а на нет, как говорится, и суда нет. И не будет никакого суда, демократия не допустит.

Увы, кому, как не власти, и знать-то, что Россия – ох, какая она терпеливая, и много чего плохого ей надо сделать, чтоб опомнилась и возмутилась... Словом, кому не нравится, вон – Бог, а вон – порог. Отваливай. Сочиняй сам себе эпитафии... И не бойся, в канаве валяться не будешь, все равно тебя где-нибудь да похоронят...

Кстати, насчет собственной эпитафии. Нет, «полтинник», разумеется, еще не старость, а слава – что? Конечно же, дым. Рано еще, видимо, о ней думать, хоть и оригинально смотрелась бы...

Впрочем, один из старых приятелей, тоже из того прошлого, что, к сожалению, стало забываться, как-то с глубокомысленной миной выдал сентенцию о том, что каждый сам создает при жизни свою похоронную процессию. Это важная мысль. Именно о процессии. Турецкий случайно встретился с ним на кладбище, с этим Яшкой. Яковом Михайловичем.

Общего знакомого «проводжали». Так вот он, этот Яшка, окинув взглядом толпу, состоящую сплошь из широко известных, «публичных» лиц, сыронизировал, что давно не видел такого восхитительного скопища натуральных демократов, прибывших на «проводы» коллеги в роскошных «мерседесах» и с длинными хвостами охраны. Александр Борисович с серьезным видом возразил, что российская демократия – как бриллиант редчайшей чистоты – требует только золотой оправы. В прямом смысле. Старый приятель хмыкнул и высказал предположение, что для всей этой массы людей, случись сейчас катаклизм с общим печальным итогом, отлично подошла бы одна на всех краткая эпитафия: «Они были, и этого более чем достаточно». М-да, повеселились...

«Нет, моя эпитафия все же лучше», – решил Александр Борисович. И сна как не бывало.

Итак, в начале девяностых годов прошлого столетия, то есть, по вселенским масштабам, только что или совсем недавно, можно сказать, вчера, общественность одного достаточно крупного областного города взбудоражило «кошмарное» – даже на фоне творившегося повсеместно криминального беспредела – известие. Широко известная в городе фирма «Росторгалко», возглавляемая триумвиратом партнеров, уважаемых в городе бизнесменов, официально занимавшаяся реализацией так называемого «конфиската» – то есть конфискованной правоохранительными органами и неподкупной российской таможней нелегальной, главным об-

разом импортной, но и не только, винно-водочной продукцией, – стала ареной громкой бандитской разборки.

Следует отметить, что сама по себе реализация вышеуказанного товара уже несла в себе определенный криминал, никуда от него не денешься. Право на продажу «конфиската» получить было непросто, и «глубоко заинтересованные» лица прекрасно знали, какого размера взятки и кому конкретно требовались для этого. К тому же и охотников всегда находилось немало. А тот, кому удавалось сорвать слишком большой и жирный куш, сам, естественным образом, становился лакомой добычей для просквозивших мимо конкурентов.

Почему-то в таких случаях говорят: «Пролетел, как фанера над Парижем». Но что при этом имеется в виду? Дочери Нинки теперь рядом с Александром Борисовичем не было, чтобы задать ей вопросец на засыпку, а ждать ответа от Ирины Генриховны – бессмысленно, супруга способна лишь пальцем у виска крутить, когда сама не знает ответа, – мол, глупый ты у нас, Турецкий! По собственной же догадке Александра Борисовича выходило так, что человек, произнесший эту фразу впервые, вполне вероятно, имел в виду какой-нибудь фанерный самолетик, к примеру, того же авиаконструктора Луи Блерио, пролетевший именно над городом Парижем курсом из ниоткуда и по направлению неизвестно куда. Но это – к слову, из области домыслов и вымыслов.

Суть же трагического происшествия в областном городе заключалась в том, что в самом его центре, прямо напротив

здания администрации, посреди бела дня, при большом стечении народа, был взорван в собственном, «крутом», единственном тогда еще на всю округу «мерседесовском» джипе один из основателей фирмы. После его гибели фирма должна была остаться в руках его партнеров. А виновников наезда вполне могли предложить поискать среди кого-нибудь из конкурентов. Явление хоть и из ряда вон, но все же типичное – в общероссийском масштабе, что там ни говори.

И оно так бы и случилось, возможно, если бы буквально тут же один из партнеров не обвинил публично второго в подготовке и совершении жестокого преступления – в убийстве их общего товарища.

Случай был, конечно, из ряда вон. Но убийцы повели себя странно беспечно. Улик было найдено много. Даже слишком, они так и лезли в глаза, настойчиво указывая на личность исполнителя. Смотрите, вот отпечатки его пальцев – тут и тут, а вот – аналогичное взрывное устройство, обнаруженное при обыске в его личной мастерской и предназначенное... да теперь и без слов понятно, для кого именно – для устранения подобным же образом второго совладельца фирмы, а вот свидетели, которые готовы дать свои показания, а вот... – и так далее, до бесконечности. Собственно, это обстоятельство, в первую очередь, и насторожило Турецкого, в руки которого попало данное дело в порядке прокурорского надзора уже после того, как приговор суда был вынесен и убийца отбыл в места не столь отдаленные. Осужденному

даже грозила высшая мера, мораторий на которую еще не был введен в стране. Но его адвокат развил бурную деятельность, дойдя с апелляцией до Верховного Суда и опираясь на показания тоже найденного им свидетеля, неожиданно подтвердившего алиби его подзащитного. Дело в конце концов было возобновлено по вновь открывшимся обстоятельствам.

Перипетии того следствия теперь уже Турецкому были в высшей степени безразличны, в его памяти сохранилось лишь то, какими мощными бастионами укрепил свою оборону истинный виновник преступления, – им и оказался, кстати, второй партнер, выдвинувший ложное обвинение против своего же товарища и коллеги. Более того, двоюродного брата своей жены, то есть фактически родственника. Вот уж воистину бизнес не знает пощады. А какие люди требовали немедленного прекращения повторного расследования! Какие телефоны звонили! Какие благожелательные советчики объявились! Было впечатление, будто на том самом Щербатенко весь белый свет клином сошелся. В Воронеже, разумеется. Не помогали советы и уговоры, пошли в ход угрозы... в первый раз, что ли? И ведь устоял ты тогда, Александр Борисович, устоял, приятно вспомнить.

Но и это уже не играло сегодня ни малейшей роли – все в прошлом. В конечном итоге все три партнера оказались далеко не чисты на руку, и только Фемида с формальной повязкой на глазах требовала установления конкретного преступника. Вот до истины-то и докопался Александр Бори-

сович, проведя повторное расследование обстоятельств этого преступления с самого начала и ловко обойдя бастионы противника. И в результате обвиненный в убийстве... – Коржов?... Коржиков?... Коржевский?... В общем, что-то, связанное с коржом, вылетело из головы, – был полностью оправдан, а окончательный приговор подлинному заказчику убийства, решившему единолично завладеть фирмой, был вынесен по признакам 102-й статьи старого еще Уголовного кодекса РСФСР на основании 17-й статьи УК – за соучастие в совершении уголовного преступления. Ну да не сам же он – якобы даже интеллигентный по-своему человек – закладывал под днище автомобиля коллеги взрывчатку, в таком количестве, которое было способно разнести здание областной администрации.

Прошли, как сказано, годы, утекла красная вода громких и не очень разборок, всему приходит конец, в том числе и срокам справедливых наказаний. И это хорошо, что все однажды кончается. Значит, можно спать дальше, не беспокоясь, что тебе снова не дадут уснуть...

Глава третья

Новое дело для агентства «Глория»

Александр Борисович, которому так и не удалось толком заснуть после телефонного разговора, – долго пребывал в полудреме, а потом и вовсе встал и пошел на кухню приготовить кофе, чтобы и жену в кои-то веки угостить, может, поболеет, да и самому пораньше приехать в агентство, – выехал из дому в начале девятого. Встреча назначена на десять, это он помнил. И оставшееся время он хотел употребить на то, чтобы порыться в своих старых записях, возможно, что-нибудь найдется по тому, давно забытому делу.

Когда он выехал на Бульварное кольцо, у метро «Кропоткинская» зазвонил мобильный аппарат. Турецкий взглянул на экран. «Костя». Чего ему понадобилось в такую рань? Подумал еще, что, в принципе, было бы неплохо завернуть в Генеральную прокуратуру, чтобы по старой памяти испросить разрешения отыскать в архиве копию обвинительного заключения Щербатенко. Но об этом мельком подумал, потому что времени уже не было.

– Слушаю, Костя, привет, – сказал он не совсем приветливым голосом. – Какие проблемы в такую рань?

– Ничего себе – рань! Ты на часы смотришь? Уже девятый час! Кончай ночевать!

– Костя, – брюзгливым тоном ответил Турецкий, – обращение не по адресу. – И продекламировал: – Твои упреки не страшны мне, Кассий! Они, как стрелы, пролетают мимо. Я чувством чести прочно огражден...

– Ха! – обрадовался Меркулов. – Он мне Шекспира цитирует! Хорош, наверное, был вчера, да? Ну, колись, Цезарь!

– Нет, Костя, я не еврей, я просто не выспался.

– Причем здесь еврей? Цезарь никогда им не был! Ты хоть книжки-то иногда читаешь?

– О чем ты, Костя! Кажется, в юности. У меня с тех пор много мусора в голове. Но если ты считаешь, что Хаим Юлий Цезарь не... наш человек, тогда не спорю, наверное, тебе из твоего кресла видней.

– Балаболка! Чем ты ночью занимался?

– Вовсе не тем, что ты мог бы предположить. Я размышлял.

– Да-а?! Что-то новенькое. А сейчас чем занят?

– Еду. Въехал в Гоголевский бульвар.

– Прекрасно. Ну раз ты никуда не торопишься, сделай милость, подскочи ко мне на Большую Дмитровку. Надолго не задержу. Надо посоветоваться.

«И чего они все командуют мной?» – хотел было возмутиться Турецкий, но почувствовал, что ему сейчас злиться просто лень. А посещением Кости Меркулова можно воспользоваться и для краткой прогулки в архив. Можно и вообще взять с собой том того старого дела, полистать на

досуге, восстановить в памяти. Нет, оказывается, худо без добра... Тем более что все равно почти по дороге, а времени до встречи с клиентом достаточно. Даже и маленько опоздать можно – для солидности...

Войдя в кабинет заместителя Генерального прокурора, Турецкий не без удивления увидел уже сидящего в кресле у письменного Костиного стола Антона Плетнева. Он-то чего тут делает?

Пожал руку ему, протянул Косте и устало плюхнулся в кресло напротив. Мол, я утомленный, меня не трогайте. Костя усмехнулся: Саня верен себе. Плетнев лишь пожал плечами, ничего не понимая в их игре.

– Итак, я пригласил вас, господа, чтобы сообщить...

– Пренеприятнейшее известие, – пробубнил Турецкий.

– Примерно, – подтвердил без улыбки Костя. – Факт действительно чрезвычайно неприятный. И – скандальный. В дипломатическом смысле.

– Человек, похожий на посла одной из... – гнусавым голосом начал Турецкий, но Меркулов перебил его:

– Все, ребята, шутки в сторону. Слушайте внимательно, и прошу вас подойти к этому делу в высшей степени ответственно.

– Надо понимать, – снова перебил своего бывшего шефа Александр Борисович, – Генеральная прокуратура не имеет уже ни сил, ни собственных кадров для расследования в высшей степени скандального, а проще говоря, «тухлого» дела,

определенного «висяка», и для этой цели ей потребовались посторонние, однако достаточно авторитетные кадры, на которые нетрудно запросто списать любую неудачу. Кинь в меня камень, Костя, если я не прав, – уже с независимым видом закончил он и откинулся на спинку кресла.

– По большому счету, ты, Саня, прав, именно с этой целью я и пригласил вас с Антоном, господа великие сыщики. Чтобы, извините за выражение, когда появится острая необходимость, дезавуировать вас, если вам известен смысл этого слова.

– Послать на хрен, – тут же «перевел» Турецкий Антону. – То есть получить для себя все к тому основания.

Плетнев сдержанно хмыкнул, прикрыв рот ладонью. Пикировки давних друзей – Кости и Саши – его всегда забавляли.

– Да, – Турецкий поднял указательный палец, – но в таком случае ты должен нам выставить заранее невыполнимые условия и добиться нашего с Плетневым согласия с треском провалить твое задание. На что я сразу заявляю: не согласен, у меня нет лишнего времени, зато есть хорошее, денежное дельце. Учти, Антон, твоего личного кармана это тоже может коснуться. За тебя я выступать не могу, ты сам – взрослый дяденька и знаешь, нужна ли тебе слава неудачника...

– Вот черти! – засмеялся Меркулов. – Может, послушаете сначала?

– Попробуй, – снисходительно кинул Турецкий и уставил-

ся в окно.

– Ну хорошо, спасибо. Итак, несколько дней назад, вчера, потом уточним, поздно вечером, в славном городе Воронеже – не удивляйтесь, и там люди живут, – в парке, примыкающем к постройкам гаражно-строительного кооператива, был найден труп человека, скончавшегося от ножевого ранения в область живота. Первичный осмотр трупа на месте убийства позволил судебно-медицинскому эксперту сделать практически однозначный вывод о том, что жертва, перед нанесением ей смертельного ножевого ранения в печень, была жестоко избита, о чем свидетельствуют многочисленные следы побоев в области головы и грудной клетки. Вскрытие покажет, имеются ли еще и переломы, и так далее. Кто, когда и как обнаружил тело убитого, все эти подробности – в протоколах осмотра места происшествия и допросов свидетелей.

– Ясно, Воронеж не спит, – констатировал Турецкий. – Дурацкий вопрос разрешите, гражданин начальник?.. Какое отношение к Воронежу имеют: а) Москва, б) агентство «Глория», ну и дальше, согласно алфавиту, в) Турецкий, г) Плетнев? Впрочем, последние два пункта можно поменять местами, я не возражаю, пусть Турецкий будет «г».

Плетнев засмеялся.

– Хорошо, – спокойно кивнул Меркулов, – чтоб не затягивать наш разговор, сообщая, что убитым оказался ответственный сотрудник посольства Нигерии в нашей стране.

Более того, при нем обнаружены документы и деньги, причем довольно крупная сумма. Значит, целью убийства явилось, как вырисовывается, не ограбление. Хотя есть соображения, что убийцу – или убийц, что в данном случае вероятнее, – мог спугнуть неожиданный свидетель, который и вызвал милицию. Впрочем, сами разберетесь, опыт имеете.

– А чего он там, у гаражей, делал? – спросил Турецкий. – Да еще поздним вечером и с крупной суммой в кармане? Может, наркотики?

– Во-во, об этом они тоже подумали, – кивнул Меркулов. – Я говорю о местных сыщиках из уголовного розыска. Кажется, они располагают уже некоторыми данными или пока только подозревают, что убитый имел какое-то отношение к торговле наркотиками. Впрочем, представитель посольства, который был вызван из Москвы для опознания, естественно, категорически отрицает любые связи покойного с криминалом. Напротив, он считает, о чем немедленно и заявил, фактически официально, что убийство его коллеги произошло исключительно на почве расовой ненависти, пропагандируемой в России как вполне легальными общественными организациями, он там перечислил ряд националистических союзов и движений, так и отдельными лицами. То есть, как вы понимаете, дело движется к дипломатическому скандалу. А воронежские сыщики, на территории которых и произошло преступление, склонны подозревать в убийстве своих местных скинхедов, которые расплодились в последнее время,

словно блохи у паршивой собаки. И хулиганские действия этих отморожков уже нередко приобретают окраску подлинного бандитизма, провоцирующую соответствующую реакцию кругов, не заинтересованных в политической стабильности в России.

– То есть, ты хочешь сказать, Костя, что мальчишками кто-то грамотно руководит? Этаким серьезный дядя, например, с мандатом депутата местного законодательного собрания, а то и Государственной думы в кармане?

– А ты, между прочим, зришь в самый корень, – Меркулов огорченно покачал головой. – Ничего нельзя исключить.

– И ты полагаешь, что частный сыск, в нашем с ним лице, – Турецкий кивнул на Плетнева, – может заменить огромную и мощную государственную машину? С ее милицией, службой государственной безопасности, агентством по борьбе с наркоманией, федеральной охраной, ГРУ, спецназом и ОМОНОм, а также набором всевозможных прокуратур и прочая, и прочая? С какого, извини, бодуна приходят такие мысли в головы высоких и очень высоких начальников?

– М-да, язычок у тебя, однако... – хмыкнул Меркулов. – Я иначе мыслю. Все перечисленные тобой охранительно-силовые организации обладают завидными возможностями – всеми, кроме одной. О которой ты и сам прекрасно осведомлен. Что бы мы ни говорили и в чем бы ни убеждали наше население, представители этих структур лишены одного качества, которым с избытком обладаете вы с Антоном.

Вы – свои, с вами можно общаться доверительно, у вас это получается. Разговаривать нормальным языком. А здесь как раз тот самый случай. И у меня, и у начальника департамента уголовного розыска МВД Коли Грецкова, который немедленно подключился к этому делу и сам вчера выехал на место происшествия, в Воронеж, все-таки складывается впечатление, что официальное следствие еще долго будет топтаться на одном месте. Кто-то что-то видел, но толком – ничего конкретного. Ни одной толковой зацепки, кроме того, что нападавших было не то трое, не то четверо. И все произошло так стремительно, словно было отрепетировано заранее. Понимаете теперь?

– Так не проще ли отдать приказ верховного главнокомандующего всем вышеперечисленным конторам, или структурам, как тебе угодно, чтобы те отныне и присно разговаривали с населением только нормальным языком? Гляди, какая выйдет экономия нашего с Антоном драгоценного времени!

– Не паясничай, ты понимаешь, о чем речь. А все необходимые официальные полномочия вам мы дадим, можешь не беспокоиться. Но действовать, тем не менее, будете в рамках своего охранно-розыскного агентства. Я сегодня же созвонюсь с заместителем министра, сообщу о нашем решении, и мы договоримся с ним об оперативной помощи для вас. Если потребуется. Мало ли как может повернуться дело!

И он стал звонить в министерство.

«Снова все решают за меня, – подумал Турецкий, – разве

что, делая при этом вид, будто и в самом деле интересуются моим мнением...».

– Скажи им, – сказал он, – пусть Петьку Щеткина из МУ-Ра прикрепят к Антону, а больше никого и не надо. Они уже сработались, и все остальные, в том числе и я, им будут только мешать. Ну подключусь, если попросят, думаю, и сами справятся. Ты не возражаешь? – он взглянул на Плетнева.

Тот пожал плечами – ни да, ни нет. Скорее, да, решил Меркулов.

– Игорь Кузьмич, – говорил между тем Меркулов замминистра, – вы бы попросили у Яковлева майора Щеткина, если он не сильно занят. Мы решили «Глории» поручить расследование, а он уже работал с ними, так что было бы очень уместно продолжить тесное и, кстати, весьма успешное деловое сотрудничество, если вы не возражаете...

Короче, договорились.

– Ну а у тебя-то что за срочное такое дело, из-за которого ты не можешь пожертвовать своим драгоценным временем ради спасения престижа родимой державы? – язвительно спросил наконец Меркулов у Турецкого. – Ребятки, я честно говорю, – поморщился Константин Дмитриевич от того, что выступал в непривычной для себя форме просителя, – если бы не дипломат, я б вас и не беспокоил. Но тут должно быть чистое и быстрое расследование, а я вам верю. Соответствующие «сопроводилки» вам, естественно, будут выданы. А тебе, Саня, если желаешь, даже могу вручить

твое собственное удостоверение.

– Желаю, – кивнул Александр Борисович, – в чужом городе лучше иметь солидные «корочки». А что касается моего дела?.. – И он довольно подробно, то есть максимально приближенно к беседе с Щербатенко, пересказал свой ночной разговор с ним, а затем добавил и собственные соображения по, казалось бы, давно забытому уголовному делу, «отрыгнувшему» вдруг весьма неприятные рецидивы прошлого.

– Вот видишь, как хорошо! – обрадовался Меркулов. – Опять Воронеж, прямо сплошные «воронежские страдания»! А тот приговор был с конфискацией? – поинтересовался он.

– Естественно. Но до его тайных счетов никто так, кажется, и не добрался. А партнер, хоть и знал о них наверняка, тем не менее, промолчал. Может, имел собственные виды. Вот и дожидался, когда лучший друг выйдет на волю и покажет наконец где спрятаны денежки. Я думаю, здесь кроется основная причина. Этот Корженецкий, видимо, захотел посмотреть, как его бывший партнер завертится на раскаленной сковороде. Под дулом наемного убийцы. Помнишь, у Шерлока Холмса был случай, отдаленно напоминавший эту ситуацию? Там искали компромат, фотографию с каким-то лордом. Ну и устроили фиктивный пожар, а подозреваемая дамочка первым делом кинулась спасать именно фотографию, поскольку она больших денег стоила, на чем и попала. Они ж все романтики, любители детективов, так что

вполне возможно.

– Ну а киллер?

– Знаешь, Костя, я вот думал всю оставшуюся часть ночи и пришел все-таки к выводу, что нанятый киллер – это, скорее, «страшилка» для ускорения реакции бывшего сидельца. И никто никого убивать не собирается. Это – игра... И приход киллера к своей жертве – часть разыгранного спектакля. Нет, потом, когда партия будет выиграна, Корженецкий может и отдать команду убрать Щербатенко. Но никак не раньше. Что ж он, дурак что ли, огромных денег лишаться? И «жертва», так сказать, это тоже прекрасно понимает. И, кажется, может безбоязненно тянуть время, якобы необходимое ему для сбора нужной суммы. Кстати, через двадцать минут он будет у нас, в агентстве. Так что позвольте откланяться.

– Но я не снимаю с тебя помощи и в нашем деле, – предупредил Меркулов.

– Согласен, в принципе. Но с одним условием.

– Здрассьте! Какие еще условия?

– А ты сейчас дашь в архив указание поднять для меня материалы обвинительного приговора по тому, воронежскому делу. И я возьму его, под честное пионерское, на одну ночь, – почитать. И завтра же верну. А ты напишешь разрешение на вынос. А я, как уже сказано, вынесу. Если устраивает, я – ваш, не устраивает – будьте здоровы.

Турецкий поднялся, а Меркулов, похмыкав и покрутив го-

ловой, взялся за телефонную трубку внутренней связи...

С пухлым томом обвинительного заключения по уголовному делу об убийстве воронежского бизнесмена А.И. Басова Александр Борисович вошел в агентство и увидел пожилого, если не старого человека, который сидел в холле и пил кофе. Красавица Аля – Алевтина Григорьевна, исполнявшая с некоторых пор в «Глории» должность не только оперативного сотрудника, но и офис-менеджера, то есть, по существу, хозяйки данного «заведения», развлекала посетителя разговором. И появление Турецкого встретила укоризненной гримаской, не портившей, впрочем, ее очаровательного личика.

– Здравствуйте, – сходу поздоровался с Щербатенко Александр Борисович, узнав, разумеется, своего «крестника», несмотря на весьма разительные изменения, коснувшиеся того по известным причинам. – Приношу вам, Николай Матвеевич, глубокие извинения по поводу небольшого опоздания. Пришлось немного задержаться, – он тряхнул толстой папкой, – пока отыскиали и принесли мне из нашего архива ваше дело...

Турецкий присел на соседний стул и положил том на стол. Повернулся к Але.

– Алевтина Григорьевна, миленькая, не сочтите за труд, сделайте и мне чашечку. А мы пока кое-что уточним у нашего клиента.

Девушка ушла к кофеварке, а Турецкий придвинул папку к себе и положил на нее обе руки. Посмотрел на Щербатен-

ко: да, колония не красит, здорово постарел, а был, если память не изменяет, вполне благополучным, щекастым таким, упитанным, уверенным в себе «новым русским», как их тогда и стали называть, кажется, впервые. А теперь перед ним сидел сухой, словно выбеленный, но, очевидно, достаточно сильный и волевой мужик лет за шестьдесят. Хотя было ему от роду – Турецкий специально посмотрел дело, – сорок два года. Двадцатисемилетним парнем сел. Лучшие годы загубил за колючкой. Что ж, каждому – свое, это известно...

– Ну, я внимательно вас слушаю.

– Смотрите, как здорово изменился... – не спросил, а констатировал Щербатенко.

– Ничего не поделаешь, – Турецкий словно бы мысленно развел руками.

Щербатенко вздохнул и покивал.

– Так базар... – он запнулся, подумал и поправился: – Дело мое вот какого рода...

Тяжело дается переход к нормальной жизни. И Николай Матвеевич, оказавшись, что называется, в интеллигентной обстановке, несколько растерял свой лагерный имидж и, пересказывая свой разговор с киллером, заметно старался избегать откровенного жаргона, к которому привык. Турецкий внимательно слушал. И по мере рассказа Щербатенко все больше убеждался в правоте своей, случайно, между прочим, брошенной в кабинете у Кости, фразы о хорошо продуманной игре бывшего партнера, а не о действительном «за-

казе». Ну да, в Шерлока Холмса пришла охота поиграть... Вынудить этого деятеля, что сидел сейчас перед ним, залезть в заветные закрома. Помнится, и Остап Бендер фактически тем же занимался всю вторую половину романа «Золотой теленок». Закрома! Проводите меня, товарищ Корейко, в свои закрома!.. Что-то в этом роде.

А сегодня, ровно в шесть утра, Щербатенко, с трудом уснувшего после ночного разговора с Турецким, разбудил звонок телефона. Вместо «здравствуйте» он услышал: «Ну?» И ответил: «Да». После чего раздались короткие гудки отбоя. Вот и все. Надо понимать, «заказ» принят. Если только предыдущий их разговор не был отрепетированным спектаклем. И Щербатенко стал высказывать собственные мысли по этому поводу. Самым любопытным, как обнаружил вдруг Александр Борисович, в этих соображениях клиента было то, что они во многом совпадали с его собственными. За малым исключением. Этот вчерашний «сиделец» прекрасно просекал ситуацию. Что отчасти и облегчало их взаимопонимание.

Но от видения проблемы именно в таком аспекте внимание Турецкого к рассказу клиента не ослабло. Хотя и не оставляли сомнения, которые невозможно еще было толковать в ту или иную сторону. Что-то уж больно красиво излагал свое кредо киллер! Тут тебе и организация какая-то! И высшая справедливость! Туфта это, конечно, рассчитанная на дурачка. Однако Щербатенко вовсе не был похож на дура-

ка или слишком доверчивого лоха. Более того, как уже видел и в чем убедился Турецкий, тот, с первых же слов, вероятно, распознав обман, сыграл настоящий испуг и убедил в этом своего гостя. Тот клюнул. А раз клюнул, то, скорее всего, и успокоился, решил, что клиент созрел полностью.

Но за что ж они его так низко опустили? Может, их расчет строился на том, что никаких «академиев» он, конечно же, находясь в колонии, не кончал? Тогда они сильно прокололись. Как раз там-то осужденные и получают, главным образом, свое «высшее» юридическое образование. Да откуда это знать Корженецкому? Если этот Жорик, как называл его Щербатенко, сам придумал такую комбинацию, что ж, можно отдать ему должное. Хитро задумано. Но – никуда не денешься, это – как ни крути, все равно уголовщина. Особенно, если у «совестливого» киллера при обыске будет обнаружено оружие. А уголовная ответственность за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлениям наступает по той же «убойной» статье 105-й Уголовного кодекса. Ну со ссылкой на 30-ю – собственно «Приготовление к преступлению и покушение на преступление». Вот так-то. И пусть потом пытаются доказывать, что вся эта их комбинация – не более чем дружеский розыгрыш.

Зато при отсутствии оружия им не пришьешь ровным счетом никаких обвинений. В самом деле – розыгрыш! Пошутили, встречая из колонии бывшего партнера. Шутка сомнительная? Ну и что? Шутим, как умеем... Может, и на этом

тоже у них расчет строится? Как повернется дело?

В любом случае киллера надо задерживать. Другими словами, прицеплять Щербатенко «хвост». А кто сможет сейчас поехать за ним? Ну не Алька же, слишком заметная фигура. Идеальный вариант – Филипп Агеев, но они с Севой Головановым осуществляют охрану «тела», играя в бодигардов, хотя делается это больше для вида, и мужики изнывают от тоски. Слишком мнительный клиент попался, без всякого основания для серьезных опасений за свою драгоценную жизнь. Но... клиент платит и, значит, прав. Сева мог бы, конечно, на два дня обойтись собственными силами. Надо будет поговорить...

Встреча у Щербатенко с «исполнителем» состоится теперь, видимо, совсем скоро. Тот, уразумев, что господин лох готов раскошелиться, тянуть не захочет и позвонит, возможно, уже в ближайшие часы.

Но, к сожалению, не исключен и другой вариант. Все может оказаться гораздо серьезнее, чем представляется. Корженецкий, который сам, естественно, боится мести Щербатенко, вполне мог «заказать» его на выходе, не думая при этом ни о каких деньгах, а лишь опасаясь за собственную жизнь. И тогда нанятый им киллер мог оказаться умнее и хитрее своего клиента и проследить за его передвижениями. Чем занимается агентство «Глория», ему объяснять не нужно. Отсюда у киллера напрашивается конкретный вывод: клиент затеял с ним двойную игру.

А речи о справедливости – вполне могли оказаться чистой маскировкой, с целью выяснить, готов ли клиент выложить полмиллиона долларов. Выяснилось: соврал, не готов, в ментовку сунулся, значит, теперь и разговор с ним будет коротким. То есть отныне все телефонные переговоры – уже пустое дело. И господин Щербатенко, – странный парадокс времени: ушедший на этап товарищем, или, правильнее сказать, гражданином, а вышедший из зоны – господином! – больше не сможет рассчитывать на защиту в лице сотрудников агентства «Глория». Да он просто и не успеет.

Оружие при себе убийца носит вряд ли. Следовательно, ему придется ехать за ним, чтобы затем занять нужную для работы позицию. Но на все эти действия необходимо время. Значит, давать его ему нельзя.

Жаль, если станет фактом вторая версия. Тогда разрушится довольно-таки любопытная, даже забавная, по-своему, концепция, уже выстроенная в общих чертах Александром Борисовичем.... Черт возьми, в любом случае киллер нужен сейчас как воздух!..

В конце концов, выпив по пятой чашке кофе, Турецкий и Щербатенко рассмотрели подробно обе версии и остановились на том, что Николай Матвеевич соглашается с киллером встретиться в любом месте, которое тот назначит. Оглядываться и смотреть по сторонам не надо, охрана будет обеспечена. А если вдруг у киллера возникнет вопрос, зачем клиент ездил в «Глорию», ответ такой: встречался со следовате-

лем, который вел воронежское дело, он теперь там работает. Спросит, зачем это надо? А чтоб выяснить, какова была роль самого Жорки в том деле. Ну чтоб, если уж наказывать, то опять же по справедливости. Зря, что ли, они об этом столько базарили? Ну и что? А ничего, убедился, что он – падла, и от своего «заказа» не отрекаюсь.

Затем Щербатенко вынужден был, как он ни жался, – видно, думал договориться на словах, – написать заявление в агентство «Глория» и заключить официальный договор на предмет защиты от посягательства на свою жизнь со стороны бывшего партнера по бизнесу, господина Корженецкого, и определить сумму гонорара. Не миллионы, нет, – охрана, например, стоит 30 евро в час, ну плюс расследование, документирование и прочее – всего, из расчета недели, где-то около десяти тысяч евро. Не сумма по сравнению с гонораром киллера, конечно. Итак, текст договора, подписи, печать – официальный документ, на основании которого сотрудники агентства могли теперь осуществлять защиту Щербатенко – не на словах, а на деле.

Он, правда, как-то не хотел уразуметь, зачем все эти «манипуляции» понадобились, ведь и просьба его и действия агентства – дело сугубо частное. И тогда Александр Борисович, что называется, на пальцах объяснил ему, что сыщики действуют строго в рамках закона, и если в процессе работы у них появятся факты, указывающие на то, что совершается уголовное преступление, дело будет немедленно переда-

но в правоохранительные органы в соответствии с законом о частной розыскной деятельности. Так что о какой-то «самодеятельности» говорить, конечно, можно, но исключительно в рамках законности. Убедил.

После этого Щербатенко был выдан миниатюрный диктофон, и Алевтина Григорьевна показала, как пользоваться этой техникой. Клиент только головой качал: далеко ушли, однако, за полтора десятка лет! Что он имел в виду – японскую техническую новинку или вызывающе короткую одежду офис-менеджера, – осталось загадкой. Наверное, поразило его и то и другое.

Выдали ему и мобильный телефон – для связи с агентством, и вообще. Такую штучковину он только видел у Кума на зоне, но в руках ни разу не держал. И Аля, обладавшая всеми необходимыми современной девушке техническими познаниями, так же легко объяснила ему, как пользоваться и этой «хреновиной». Словом, через короткое время уехал он к себе в гостиницу, настроенный на активные, наступательные действия, а уж никак не на безвольное ожидание того момента, когда будет исполнен чужой приговор.

Пока длились технические объяснения, Турецкий зашел в директорский кабинет и оттуда созвонился с Головановым и Авдеевым. Филя в настоящий момент был фактически свободен, и Александр Борисович попросил его сегодня «попасти» клиента. Возражений не было. Заодно он предложил – интуиция подсказывала – проверить, кто там проживает в

соседних номерах. На всякий случай, мало ли какие казусы случаются! Филя пообещал.

Когда клиент наконец ушел, Турецкий взялся за том обвинительного заключения. Он хотел сам понять, насколько серьезной и долгопамятной могла оказаться ненависть Корженецкого к Щербатенко. Это ж надо, ждать пятнадцать лет, чтобы затем убить его на выходе из колонии! Когда все это можно было проделать гораздо раньше и проще. И деньги ведь предложил немалые, что-то в районе полумиллиона долларов. Невероятно! По нынешним-то временам. Да там, на зоне, за сотую часть этой суммы его бы давно уже убрали. Ну тысяч десять – на худой конец. Фальшь какая-то в этом.

Заодно он заглянул и в закрытое помещение, где со своими компьютерами «колдовал» Максим, главный информационный центр «Глории», и попросил того собрать по своим каналам максимально, насколько это возможно, сведения об алкогольном бизнесе господина Корженецкого Георгия Витальевича, проживавшего в Воронеже, а также о нем самом, его семье и прочем. Все-таки истина непреложна: сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого.

В кабинете появилась Аля, принесла бессчетную за сегодняшние полдня чашку кофе. Обошла стол, поставила чашку, нагнулась, чтобы взглянуть на материалы, которые лежали перед Александром Борисовичем на столе. Обычно он поручал ей всякие бумажные проблемы.

Невольно или нарочно – это неважно, прижалась бедром

к его плечу, замысловато изогнувшись телом, сбоку, посмотрела на него с шутливо-серьезно сдвинутыми прелестными бровками и не выдержала, засмеялась.

– Ты так уставился, когда я ему объясняла, – она только наедине позволяла себе такой интимный тон с Турецким, – что у меня, я прямо всем телом почувствовала, до неприличия покраснели кончики ушей. Зачем ты меня постоянно провоцируешь, а?

Словно бы воркующее ее ворчание было прекрасным. И Турецкий, тоже усмехнувшись, подумал, что Иркино нарочитое отчуждение в конце концов приведет к тому, что у Альки покраснеют не только уши. То есть, «покраснение» станет явлением постоянным и повсеместным. А как она умеет здорово краснеть, это Александру Борисовичу было уже известно. Правда, как можно почувствовать всем телом, что ушки краснеют, это большой вопрос. И его можно будет задать ей потом, в минутку отдыха или раздумья: стоит ли продолжать начатое или правильное будет остановиться, чтобы не набить оскомину...

Нечего темнить, Турецкий был старым бабником – не в смысле возраста, а исключительно в плане нажитого, многолетнего, в общем-то, положительного опыта в этом деле. И бабником веселым и добрым. Но не знали этого только немногие. А еще меньшее, ничтожно малое количество людей по-прежнему верило тому, что все рассказы о его «подвигах» – это байки, дружеские шутки, розыгрыши и анек-

доты. Либо сплетни – от зависти. И он сам всячески поддерживал именно эту красивую и оправдывающую его, но и весьма, тем не менее, шаткую версию.

А по правде-то говоря, ну как можно обидеть красивую женщину, когда ты ей нравишься? Да такой поступок в высшей степени непрофессионален, неграмотен и, вообще, – сплошная безнравственность!..

Алевтина еще недавно работала в Главной военной прокуратуре в должности мелкого клерка, если так можно назвать младшего юриста, ниже которого ничего нет, разве только абитуриент на юридическом факультете. Турецкий познакомился с ней, когда вместе с ее шефом расследовал общее дело об убийстве рядового военнослужащего. Дело выглядело скандальным, и хотя истина была доказана и виновные найдены и названы, Алькиному шефу, пошедшему против течения, – такого армия не прощает – пришлось выйти на пенсию. Вернее сказать, перейти в адвокатуру, чему поспособствовал и Александр Борисович.

А вот Алевтина лишилась в одночасье и своего учителя, и покровителя. Нет, этих последних немедленно нашлось столько, что девушка могла бы устроить даже конкурс среди них. Но – не захотела. А тут Турецкий и предложил ей частную сыскную контору, которая девушке сразу пришлась по душе. И дела, и рабочая атмосфера, и люди, главным образом. Были некоторые трудности по служебной линии – увольнение там, прочее, но этот вопрос легко решил ее па-

паша – всего-навсего помощник министра обороны.

И вот Алька – в «Глории». Ей нравится решительно все, и она всем нравится. Красивая, умная, серьезная и деловая, когда требуется. И еще кое-что знал про нее Александр Борисович. Знал и молчал. Потому что стеснялся: связался, мол, черт с ребенком. Хотя ребенку тому уже четвертак исполнился, и в некоторых аналогичных случаях даже говорили в старину, что, мол, невеста наша уже на последнем издыхании, залеживается в девках-то...

Алевтине судьба старорежимных «залежалых» невест не грозила: она превосходно выглядела, твердо знала, что ей надо и когда ей надо, и не стеснялась экспериментировать. Отличная, современная девушка.

А экзерсис насчет мочек ее ушей – он тоже имел свою подоплеку. Немного хулиганскую по смыслу. Все-таки прав был старый классик, утверждая: «Из песни слово выкинешь, так песня вся нарушится...» Обычно цитирующие поэта Некрасова на этом и останавливаются, потому что следующая и завершающая строфу короткая фраза: «Легла я...» – требует долгих дополнительных объяснений, что это совсем не то, о чем ты только что подумал, и так далее. Долго, одним словом.

Так вот, как-то Александр Борисович остался в офисе после окончания рабочего дня – с неотложными бумажками. Все давно разошлись. И вдруг возникла Алька, которая уже должна была оказаться дома. Словно примчалась, вернув-

шись с полдороги, забыв о чем-то важном и неотложном. Турецкий, не врубаясь, посмотрел вопросительно, а она, подойдя вплотную, вдруг резко отодвинула его вместе с креслом на колесиках к стене и, акробатически перекинув шикарную свою ногу, «впечаталась» в его колени верхом, как наездница – в седло. Ну поцелуй там, это уж в порядке вещей в подобной ситуации. Но девушка пошла на более решительный шаг, с видимым удовольствием отомстив ему наконец сразу за все свои моральные и физические мучения.

Как обосновывают женщины свои поступки в таких случаях? Обещал? Ах, только мысленно? Ладно, жене будешь врать!

Короче говоря, уже миг спустя, их, возможно, и нелепые с эстетической точки зрения, зато весьма целенаправленные движения стремительно повели к близкому обвалу сознания. Неудержимая скачка длилась до полного теперь не только солнечного, но и лунного затмения...

Придя потом в чувство и возвратив туда же свою «разобранную» до полной невозможности всадницу, Турецкий то ли просто подумал, то ли в изумленном раздумье пробормотал, что, пожалуй, давно уже не держал в своих руках ничего изумительнее такой фантастической ж... Скорее всего, нечаянно вырвалось, да и то исключительно от избытка чувств. Нет, определенно, вслух произнес, потому что обессиленная Алька едва не подавилась от хохота...

Ну было и было... мало ли что случается иногда у взрос-

лых людей!

А сегодня, во время беседы с Щербатенко, – уж и не помнились сейчас частности, – у него вырвалось то самое слово. Которое, по детскому анекдоту, так и звучит присказкой: «Слова нет, а ж... есть». Но он, очевидно, слишком откровенно, или многозначительно, взглянул при этом на Алевтину, которая что-то объясняла клиенту, чем смутил ее и что явилось его ошибкой, ибо только они двое знали, в какой ситуации было употреблено это, не совсем печатное, слово. Так зачем же при постороннем? Бог знает, о чем может подумать!

И Турецкий, почти по-отечески, не придавая и значения своему жесту, обнял одной рукой высокие бедра помощницы и, прижавшись к ней щекой, поклялся, что отныне станет всячески избегать нечаянных провокаций со своей стороны, а главное, искренно веря, что так оно и будет. Но это, как он понял позже, была очередная его ошибка, ибо Альке его чисто дружеский жест почему-то показался красноречивее сбивчивых оправданий...

«Что делается!.. – огорченно подумал Александр Борисович. – Неужели опять сегодня не явлюсь домой вовремя, к ужину?..» Но оставалась, правда, надежда, что еще имеющиеся дела не позволят расслабиться до такой уж степени. Вот ведь на какие уловки приходится иной раз идти мужчине, чтобы сохранить хотя бы отдаленную верность собственным принципам...

В связи с этим ему было особенно важно, чтоб хотя бы внешне их отношения с Алевтиной ни в коем случае не выходили за рамки обыкновенных дружеских, а вот она этого, кажется, понимать уже не хотела. И ему, в который раз за последние дни, вспомнилась фраза старого приятеля о похоронной процессии, которую каждый из живущих на белом свете создает себе сам – в прямом и переносном смысле. Уж не сигнал ли? Как тому гусю, которому перед Рождеством стали с удручающей настойчивостью сниться яблоки. А тот, дурачок, все интересовался: к чему бы?.. Доспрашивался... м-да...

Глава четвертая

Несущественный прокол

За столиком в пивном баре сидели трое молодых людей. Чем еще тут можно было заниматься? Пить пиво и с треском разрывать на части золотистую воблу, которую здесь подавали к пиву, – когда-то непременно спутницу толстой стеклянной пивной кружки с обгрызенными краями, затем, на излете социализма, сделавшуюся страшнейшим дефицитом, а ныне – снова бери не хочу. Вот в память, наверное, той, дефицитной, и назвали бывшую «стекляшку», по сути забегаловку, «Золотой рыбкой», с приходом капитализма преобразившуюся в своеобразный клуб молодежной мужской тусовки. Здесь, за зашторенными по вечерам окнами, с изображенными на них разнообразными рыбами, крабами, раками и прочей морской живностью, собирались чаще всего знакомые между собой молодые люди, обсуждали свои коммерческие и прочие проблемы – у молодежи их теперь больше, чем у кого-либо. И контингент, как говорится, здесь специфически мужской.

Под словом «специфика» можно было понимать и то, что своеобразной визитной карточкой входящего являлась главным образом кожаная куртка. Такие обычно носят заядлые мотоциклисты – рокеры там всякие, байкеры, иногда «кру-

тые» парни, именующиеся «братвой», ну и особая категория молодежи, называющая себя борцами за чистоту русской национальной идеи. Часто грубая черная кожа, косо вшитая молния застежки, масса разнообразных металлических заклепок, болтающиеся до колен цепи, темные шапки-бейсболки с длинными козырьками, надвинутыми на самые глаза или, наоборот, перевернутые задом наперед, черные джинсы либо камуфляжные брюки, заправленные в высокие ботинки военного образца, именуемые берцами, – такой вот типичный «прикид».

Грубо говоря, каждый второй – потенциальный клиент милицейского «обезьянника», но... в стране демократия, никаких превентивных мер, и пусть себе каждый самовыражается как хочет. Включая матерщину через слово, на которую не реагируют уже даже редкие девушки, по воле случая или спутника попадающие сюда. Не реагируют, возможно, от неудобства и страха, или от бравады, а может, просто привыкли, как быстро привыкают ко всему плохому и обязательно запретному.

Не реагировал особо на непристойные отдельные выкрики и бармен, молодой человек лет тридцати, с выбритой, под «крутого», блестящей головой и приклеенной к губам безразличной улыбкой. Он только посматривал иногда в сторону особо шумного посетителя дольше, чем следовало бы представителю обслуживающего персонала, и тот, как ни странно, чувствуя укоризну во взоре холуя, в сущности,

смолкал. Значит, была все-таки причина... Или легенда, передававшаяся новичкам, что называется, шепотком на ухо, что у Этого не забалуешь. Имя бармена вряд ли кто-то знал, здоровались кивком, но он, как оказывалось, знал практически всех постоянных посетителей и многих случайных. Иногда некоторым даже предоставлял щедрый кредит. Очевидно, он не сам распоряжался этим пивным хозяйством, а был кто-то над ним, но с какой целью и что здесь делалось, – вот этого, пожалуй, не знал никто.

Из троих, сидящих в «косухах» за пивными кружками, только один понимал, что к чему. И он, высокий – было заметно по посадке, – довольно плотного, спортивного сложения парень лет двадцати двух, время от времени вопросительно поглядывал на бармена. А тот, не поворачивая головы, только скашивая глаза в его сторону, неопределенно пожимал плечами. Можно было понять, что Влад – так звали Гундорина, рослого, спортивного парня приятели – Бык и Нос, то есть Игорь Бугаев и Федька Дербаносов, чего-то с нетерпением ожидал, и бармен был в курсе.

В зал вошла компания чернокожих молодых людей, среди пятерых парней один был гораздо выше других, и с ними были две белые девушки – развязные и звонкоголосые, они сразу привлекли к себе внимание. Влад обернулся на шум, прикинул и, недовольно поморщившись, сказал приятелям: – Из универа... – это он имел в виду Политехнический университет, который располагался на той стороне водохра-

нилища, за мостом, а общежития их – здесь, неподалеку, в этом же районе. От автобусной остановки через парк наискосок бегают, так им гораздо ближе. – А телки у этих – ничего...

– Не понимаю... – с готовностью откликнулся младший, невысокий, щуплый и, вообще, самый невидный в компании – Дербаносов. Он хотел бы, подобно Владу, залихватски повернуть свою бейсболку козырьком назад, но передумал, козырек скрывал все-таки здоровенный зеленовато-желтый фингал на правой щеке, который еще вчера был синим. Это его достал тот негр, которого по приказу Влада он лично два дня выслеживал. – Как они с этими черными свиньями рядом сидят? И жрут с ними! Противно же!

Третий в компании, Бугаев, по кличке Бык, – квадратный, узколобый парень – зло сплюнул на пол, но на всякий случай оглянулся, не заметил ли бармен: на хрен им его крик нужен, все-таки чисто здесь, официанты пиво разносят, как у приличных.

Бугаев лично не знал, вообще-то, как бывает у приличных, он в кино видел, на «видюшнике», но там в основном гульба шла в Штатах, другой коленкор, а в российских ресторанах он никогда не бывал, да и зачем?

– А чего понимать? – сказал он. – Те крупное бабло отстегивают – за учебу. У них же, блин, нефти – залейся, девать некуда, вот и едут... наших девок натягивать, блин... Генофонд типа портить, блин!

Влад поглядел на горячность Быка и усмехнулся:

– Это у арабов нефть. А у тех, про кого базаришь, только обезьяны на деревьях. Такие же, как они сами... Бананы жрут... Обидно.

Отчего ему стало обидно, Влад не сказал, потому что вдруг уставился на одного из негров, того, высокого, который сидел к нему боком и молча, можно сказать, мрачно, тянул свое пиво. Не надо было напрягаться, чтобы узнать его, хотя все черные в глазах Влада были одинаковыми, различий между ними он не видел. Но этого, даже и без напряжения, он узнал. Ну, конечно, вот же из-за него-то и весь сыр-бор. Правда, формальной причиной являлась вон та девка, длинноногая блондинка, которую они зовут «Настья». Может, и студентка, но все равно сука и шлюха, раз с чернотой гуляет.

Ну, Носяра! Это ж его ошибка! Примчался, кричит: идет и, что характерно, один!.. Выследил, наконец! Ну, ладно, ошибся, бывает, не того замочили. Разницы-то особой нет. Они, эти негры, азиаты всякие косоглазые и прочая сволота, уже начинают понимать, что тут им не Черная Африка и не Вьетнам какой-нибудь, по одному не ходят, боятся. И правильно делают, только это им мало помогает. Били их русские патриоты и будут бить!

Влад договорился с шефом, что они, как бы защищая, смешно сказать, якобы честь русской б..., примерно накажут этого черного, а в назидание наклеят на дверях универа, где этих учится тьма, листовки, типа: «Черные! Руки прочь

от русских девчонок! Девчонки, позор вам! Мы – за возрождение святой России!» И было бы очень наглядно, да только Нос, козел, перепутал этого негритоса с другим, правда, очень похожим на него. Ну спутали, подумаешь, большое дело, так шеф через Лешу-бармена передал, чтоб Влад не рыпался, никуда не ходил, пацанов от себя не отпускал, а сидел и ждал звонка от него. И никаких лозунгов, что тоже обидно...

Бык сидел спиной к той компании, а оборачиваться и привлекать к себе внимание Влад ему запретил. И тогда он сказал:

– Нос, поменяйся с Быком местами, – и когда парни пересели, показал Быку: – Видишь вон того, рослого?

– Ну... – почти промычал Бык.

– Гну, твою мать, – тихо выругался Влад. – Вот он и есть тот, кого мы должны были приделать. А Нос нам кого подсунул? Сам – козел, а шеф теперь с меня шкуру спускать собирается. Сидите тут и никуда не рыпайтесь! Сосите пиво и помалкивайте, ждите команды, а Колун придет, пусть тоже ждет...

Нос захотел возразить, но под жестким взглядом Влада как бы сдулся. И в этот момент Влад увидел, что ему кивнул бармен. Он тут же поднялся и ушел за стойку, внутрь помещения блока питания.

Его друзья продолжали с отвращением наблюдать, как наши русские телки внаглую лезли к тем чернокожим, кото-

рые на них и внимания-то не обращали, так, снисходительно посмеивались, похлопывали по плечам, что-то шептали на ушко, от чего телки вздрагивали и заливались хохотом, то есть вели себя в высшей степени неприлично. Вот бы самое время напомнить им про честь, блин, русского человека, об которого все эти, приезжие, вытирают свои грязные ноги... Противно!.. Но Влад не велел дергаться, а он – начальник.

А «начальник» между тем, держа в руке протянутый ему барменом Лехой мобильник, прошел через все подсобное помещение пивного кафе-бара и оказался в служебном дворе, заставленном пустыми контейнерами, ящиками, бочками и картонными коробками – в связанных пачках. Огляделся – никого, и тогда только поднес трубку к уху.

– Я слушаю, Василь Савельич... – обиженным, глухим голосом сказал он, хотя только что говорил с приятелями уверенно и раскованно.

– Плохо, вижу, ты слушаешь меня, парень. Так плохо, – резко и сердито перебил его собеседник, – что я начинаю в тебе сомневаться! А что, скажи честно, может, ты поступаешь так нарочно, чтобы вызвать однозначную негативную реакцию правоохранительных органов? Ты как та падла, специально вызываешь огонь на себя, чтобы загубить все наше дело. То, которому лучшие люди, настоящие борцы, не в пример некоторым, отдали свои молодые годы и силы? Я спрашиваю, кто тебе приказал мочить ту обезьяну?! Ты знаешь... что теперь будет? Ты соображал своей тупой башкой,

что творил?! Ну, чего молчишь?!... Ты хоть телевизор смотришь по утрам?!..

– Откуда? Когда мне?! А вы слова сказать не даете... – совсем уже охрип от волнения Влад. – Я и не собираюсь защищаться. Я объясню, – заторопился он, – у нас все было четко, а тут прибежал Нос...

– Заткнись! – заорал как сумасшедший Василий Савельевич. – Нет, ну надо ж?! Он мне еще и объяснять собирается! Тимуровец!.. Да мне к... все твои объяснения! Немедленно спрячь своих козлов, а сам – марш ко мне! И оденься... как нормальный мужик! Все!

«Разговор» закончился. Владислав Гундорин – непрекаемый авторитет среди своих пацанов, так он называл небольшую, но свою собственную команду скинов, или скинхедов, как они сами себя величали, – был несколько оглушен, чего скрывать, таким обвалом разнузданного и грубого мата, обрушившегося только что на его голову. А ведь ждал разговора, будучи абсолютно уверенным, что все им было сделано правильно и согласно общей линии организации «Освобождение России», членом которой он с гордостью себя именовал. И вдруг – такой неприятный прокол...

Да не своевольничал он, не лез на рожон, не подставлял зря пацанов, а четко выполнял – шаг за шагом – продуманный организаторами, в том числе и самим же Василием Денягиным, как-никак помощником депутата Воронежского законодательного собрания, план акции, которая должна бы-

ла всем черным в очередной раз показать, кто в доме хозяин. А то вовсе уже озверели, русских эта иностранная шалупонь давно за людей не считает, ходят, понимаешь, по всему городу, по всей России, как господа какие, вставными зубами из блин... дамета посверкивают из всех телевизоров, насмехаясь над русскими. Вот и досмеялся один! Так оно и было запланировано... Нет, не мочить, а научить, чтоб запомнил, да кто ж угадал бы, что тот сам, первый, драться кинется? Охренел – против четверых! Ну и нарвался: Колун, то есть Пашка Колтунов, в таких случаях – не промах, чисто вставил перо. И ушли, следов не оставили. Так что, какие вопросы? И почему – подставили? И кого?! Нет, туфту лепит Василий Савельевич, никому ничего неизвестно, а этих черных все равно в городе не убавилось, одним больше, одним меньше... никакой разницы.

Но все-таки ощущение от крика Василия Савельевича было нехорошее. Это как валить с больной головы на здоровую. Всегда найдется крайний. Вот и тут...

Гундорин вернулся к столу и оглядел пацанов. Те сидели возбужденные, глядя на тех девчонок с парнями. Устраивать очередную заварушку в планы Влада не входило, да тут, рядом, и ментов полно, и начальник приказал недвусмысленно, чтобы он убрал временно ребят с глаз, и те не маячили тут своими «косухами». Ну что ж, тактически, наверное, это правильно.

А девки? Да ничего особенного, обычные телки, в другом

месте и не глядел бы. Просто место тут такое, избранное, каждый новый сразу заметен... А черные парни эти, знал уже Влад, драться умеют, особенно когда их численное преимущество, случались прежде встречи, о победе и речь не шла, ноги уносил – и то ладно. Так что сейчас лучше не связываться, а то у пацанов уже глазки горят. Во-во, так уделают, что родную маму не узнаешь... Кончать надо этот базар...

И он сел, чтобы допить свое пиво и сделать распоряжение таким тоном, будто только что лично сам пришел к этому решению:

– Все, пацаны, на сегодня – баста, кончаем. Завтра – как обычно, ждать звонка. На точке. Колуна увидите, пусть не бултыхается. Проводит того косоглазого и уточнит, а руками не прикасаться, всем ясно? – строго спросил он. Речь шла об очередной акции: надо было еще с одним «чуркой» разобраться. Но это – уже завтра.

– Да понятно, Влад, – недовольным голосом ответил и за себя, и за приятеля Бык. – А с телками чего будем делать?

– Никаких телок! Понадобятся, найдем, я уже не первый раз вижу их. Разберемся. Придет и их очередь. А у тебя что, в ширинке засвербело? – ухмыльнулся Влад, глядя на неповоротливого, мрачного Быка. Так только казалось, что он медлительный, хотя, на самом деле, Бык первым лез в драку и последним выходил из нее.

– А чего? – ощерился Бык желтыми, кривыми зубами. – Я б вон той, которая Настя, запросто вдул бы...

Он оторвался от кружки, лениво посмотрел на девок и, скривившись, снова с ненавистью уставился в кружку, будто плюнуть в нее хотел. Видно, вчера успел крепко принять на грудь. Да оно и понятно, мертвяк-то и у него первый, – знал об этом Влад. Ничего, первый – не последний, растут пацаны, мужчинами становятся...

– Ладно, успеешь еще, вдуюсь. Все, пацаны, давайте по домам!..

Приятели встали и молча ушли, не расплачиваясь. Это за них сегодня сделает Влад, такая договоренность. Но за себя он платить не будет, у него в этом баре открытый счет на все, кроме спиртного, таково было решение руководства, которое донес до него Василий Савельевич, создатель и непосредственный руководитель патриотического Фонда «Освобождение России». И такое решение – особая честь для скин-нов, вроде как медаль за отличие...

Кинув на стол деньги, Влад кивнул бармену, и тот слегка наклонил голову. Гундорин вышел на улицу. И заметил, не без гордости, конечно, что несколько прохожих, шедших ему навстречу, невольно расступились перед ним. Ну не конкретно перед Владом Гундориным, он-то был им, конечно, неизвестен еще, а перед его черной курткой, как бы перед особой формой, в которую он был облачен и которая вызывала если не почтение, то опасение – это уж точно. И правильно делали, что опасались, то ли еще будет!..

Интересно вот так идти и наблюдать, как перед тобой,

словно перед стальным носом боевого корабля, раскатываются в стороны волны обыкновенных прохожих. И как пугливо жметса к сторонке вся эта понаехавшая в Россию чернота нечисть! Здорово возбуждает!..

С такими «возвышенными» чувствами Влад забежал к себе домой и сказал матери, что его вызывает начальство, поэтому надо переодеться. То есть надеть рубашку с воротником, пошлый и невыразительный, серый однобортный костюм и коричневые туфли.

Мать так и не знала, где работает сын, куда устроился после возвращения с армейской службы, говорил: в одной конторе. Но регулярно приносил деньги, отдавал «на жизнь». А, собственно, сама жизнь сына была полностью закрытой для матери. Она и не пыталась узнать правду у Владика, который прямо на глазах становился все более жестким и властным, даже прикрикивать мог.

«Тяжелая жизнь у молодых!» – вздыхала рано состарившаяся женщина.

Василий Савельевич категорически запретил Владу появляться не только в здании городского парламента, но даже в собственном офисе патриотического Фонда, в привычном и щекочущем самолюбие парня прикиде, требовал, чтобы Владислав обязательно выглядел как все. От галстука вот только удалось отбиться... А еще «тимуровцем», блин, называет, не то в насмешку, не то просто шутит так. Обижаться или нет? За ним ничего не поймешь. Суровый бывает дядька,

привык командовать, да и то – две Чеченских войны прошел без единой царапины, вернулся подполковником, три ордена боевых. Везло, значит, поневоле почтение испытываешь. И бабы к нему липнут: видят же настоящего мужика...

А в общем нравился Василий Савельевич Владу Гундори-ну, парень даже подражать ему старался – манере говорить резко и в приказном тоне, не оставляя собеседнику шансов для разумного ответа. Это давит на мозги, собеседник твой теряется, и возражения становятся похожими на козлиное блеянье. По себе уже знал, как трудно бывает возражать Денягину. И сейчас он ехал к нему в офис, путаясь в догадках, что было сделано не так... Хотя, по мнению Влада, они ни на шаг не отступили от плана, который продиктовал лично ему Василий Савельевич. Ну кто ж виноват, что тот негр оказался не совсем тем, за кого его приняли? Все равно же – негр. И темно уже было, а ночью эти обезьяны все одинаковые... Короче, что-то не то. Но Денягин взбеленился, это точно, – такого ядреного мата Влад давно от него не слышал. Вот и ехал, но не то чтобы сильно боялся разноса, нет, другого побаивался. Что Антон в сердцах даст ему отставку и назначит командиром группы кого-нибудь другого, Коляна, например. Тот давно косо на Влада поглядывает, много, говорит, берешь на себя, завидует – ясный пень. Оттого и сам Колян, и дружбаны его со всеми вместе не ходят, только когда общие дела затеваются и нужна ударная масса, тогда являются, а так они вроде как сами по себе. И Денягин, кото-

рый требует железной дисциплины, не вмешивается, сам, говорит, решай, твои кадры. Но это он, наверняка, нарочно делает, известно же – разделяй и властвуй, сам частенько повторяет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.